

Н. Н. Кошкарлова

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ МЕЖКУЛЬТУРНОГО УРОВНЯ: РЕАЛИЗАЦИЯ КОНФРОНТАЦИОННОЙ И КООПЕРАТИВНОЙ СТРАТЕГИЙ

Статья посвящена анализу реализации конфронтационной и кооперативной стратегий на материале политического интервью межкультурного уровня. Дается определение жанра политической коммуникации, функционирующего в рамках конфликтного и кооперативного типов дискурса. Конфронтационная и кооперативная стратегии представлены двумя группами тактик: принадлежащих интервьюеру и интервьюируемому. Выделенные тактики признаются отражением жанровой интенции политического интервью межкультурного уровня. Последнее является той жанровой формой политической коммуникации, особенности которой рассматриваются в качестве экстралингвистических и лингвопрагматических факторов, влияющих на согласованность/несогласованность речевого общения.

Ключевые слова: политическое интервью межкультурного уровня, конфронтационная стратегия, кооперативная стратегия, конфликтный дискурс, кооперативный дискурс.

Целью настоящего исследования является описание реализации конфронтационной и кооперативной стратегий через определенный набор тактических схем на материале политического интервью межкультурного уровня. Такой выбор материала представляется вполне оправданным, так как, по утверждению А. В. Курьянович, жанровые особенности текста относятся к числу тех экстралингвистических критериев, которые влияют на «степень эффективности речевого общения» [1]. При этом политическое интервью межкультурного уровня определяется как беседа представителей зарубежных средств массовой информации с членами российского эшелона власти, а также зафиксированный результат такого разговора. Следует также отметить, что конфронтационная стратегия признается основной стратегией конфликтного дискурса, а кооперативная стратегия характерна для соответствующего типа дискурса (кооперативного).

Предложим определения деструктивной и конструктивной форм общения, в рамках которых функционирует объект нашего исследования (политическое интервью межкультурного уровня). Конфликтный дискурс понимается как деструктивная деятельность участников общения, речевое взаимодействие адресанта, адресата и целевой аудитории, совокупность способов речевого воздействия, стратегий речевого поведения, речевых тактик и порождаемых речевых реакций, определяющих эксплицитное и имплицитное содержание речевого поведения коммуникантов, в том числе актуализацию их национального и культурного опыта с установлением отношений определенной тональности. Под кооперативным дискурсом в настоящем исследовании понимается речевое взаимодействие агентов коммуникативного акта, характеризующееся позитивной направленностью, реализуемое в наборе кооперативных стратегий и тактик, стремлении участников процесса интеракции к достижению взаимопонимания, реализа-

ции координированных и согласованных когнитивных и речевых действий, конструированию толерантного и вежливого сценария межличностного и межнационального взаимодействия вследствие полного (или по крайней мере частичного) совпадения аксиологических приоритетов коммуникантов, их психологических и эмоциональных установок, вербальных и невербальных ожиданий.

Конфронтационная стратегия в политическом интервью межкультурного уровня представлена двумя группами тактик: тактики интервьюера и тактики интервьюируемого. К основным тактикам последнего относятся:

- тактика неосознанного предпочтения особой лексики;
 - тактика упрека;
 - тактика иронии;
 - тактика отрицательной оценки;
 - тактика смены коммуникативных ролей;
 - тактика красноречивого умалчивания.
- К тактикам интервьюера относятся:
- тактика провоцирования;
 - тактика эксплицитной и имплицитной критики действий своего собеседника и руководимой им страны;
 - тактика предвосхищения развития обсуждаемых событий.

Приведем конкретные примеры реализации выделенных тактик. В своих выступлениях и интервью В. В. Путин часто обращается к жаргонным выражениям как актуализаторам своего эмоционального состояния и средствам воздействия на целевую аудиторию. Так, во время беседы с журналистами о ситуации на Украине (4 марта 2014 г.) Президент России использовал слово *беспредел*, которое в настоящее время является общеупотребительным и означает 'крайнюю степень беспорядка, беззакония', но имеет корни в криминальной субкультуре: *И вот когда мы это видим, мы тогда понимаем, что беспокоит граждан Ук-*

раины – и русских, и украинцев, вообще русскоязычное население, проживающее в восточных и в южных регионах Украины. Что их беспокоит? Их беспокоит вот такой беспредел. И если мы увидим, что этот беспредел начинается в восточных регионах, если люди попросят нас о помощи, а официальное обращение действующего легитимного президента у нас уже есть, то мы оставляем за собой право использовать все имеющиеся у нас средства для защиты этих граждан. (Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине, 4 марта 2014 г.)

К разговорно-сниженной лексике относится и глагол *тюкнуть*, имеющий значение ‘лишить жизни, умертвить’: *Наши партнеры, особенно в Соединенных Штатах, всегда ясно, четко для себя формулируют свои геополитические и государственные интересы, преследуют их очень настойчиво, а потом, руководствуясь известной фразой: «Кто не с нами, тот против нас», подтаскивают под себя весь остальной мир. А кто не подтаскивается, того начинают сразу тюкать, и в конце концов, как правило, дотюкивают.* (Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине, 4 марта 2014 г.)

Эмоционально-оценочное отношение адресата к наблюдаемому в момент акта коммуникации поведению собеседника может выражено и через тактику упрека: *ВОПРОС: Разрешите я добавлю как раз про контакты. Насколько я понимаю, Вы считаете премьера Крыма Аксёнова легитимным представителем власти. А готовы ли Вы на какие-либо контакты с теми, кто сейчас в Киеве считает себя легитимной властью?* В. ПУТИН: Я же только что сказал. Вы, наверное, не слушали. (Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине, 4 марта 2014 г.) Коммуникативная успешность во время политического интервью межкультурного уровня зависит не только и не столько от владения интервьюируемым соответствующими компетенциями, сколько от способности журналиста оценивать ситуацию в ходе диалога с собственной позиции и с точки зрения оппонента. В случае неумения журналиста верно оценивать пресуппозицию реплики собеседника возникает коммуникативная неудача, что в лингвистическом плане выражается в употреблении тактики упрека: *ВОПРОС: Легитимен ли Яценюк и правительство? И если Россия обеспокоена усилением радикальных элементов, то они часто усиливаются, если оказываются перед лицом условного противника, которым для них, с их точки зрения, естественно, сейчас является Россия и российская позиция, что мы готовы ввести войска. Из этого вопрос: имеет ли смысл и возможно ли ведение переговоров и разговор с умеренными силами в украинском пра-*

вительстве, опять же с Яценюком, и является ли он легитимным? В. ПУТИН: **Послушайте, Вы как будто не слышите, что я говорил.** Я же сказал: три дня назад я дал поручение Правительству возобновить контакты на правительственном уровне со своими коллегами в соответствующих министерствах и ведомствах Украины, с тем чтобы не порвать экономические связи, поддержать их в их стремлении восстановить экономику. (Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине, 4 марта 2014 г.)

Другим средством интенсификации конфронтационной интенции адресата является ирония: *ВОПРОС: А Янукович жив вообще? Прошла информация, что он скончался.* В. ПУТИН: После того как он оказался на территории Российской Федерации, я с ним виделся один раз, это было буквально два дня назад. Он был жив, здоров и вам того же желает. **Он еще простудится на похоронах тех, кто распространяет эти сведения.** (Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине, 4 марта 2014 г.) В данном случае ироническое высказывание интервьюируемого является аллюзией на афоризм, принадлежащий американскому писателю и сатирику Марку Твену, который ответил своим недоброжелателям, что ‘он еще успеет простудиться на их похоронах’.

Тактика отрицательной оценки актуализируется через лексические единицы с отрицательной оценочной характеристикой, когда подобная дискредитация собеседника инспирирована самим журналистом: *ВОПРОС: Я хотел бы поговорить о США. Через несколько дней Вы встретитесь с Баракком Обамой, Вы будете за несколько метров от него. Но, похоже, что он не хочет с Вами разговаривать. Как будет происходить эта встреча, как будут развиваться отношения между самой богатой страной мира и самой крупной страной мира? Как Вы можете не разговаривать, ведь есть потребность в этом, ведь война недалеко?* В. ПУТИН: Во-первых, Вы преувеличиваете насчет того, что война недалеко. **Вы какой-то такой агрессивный журналист.** Откуда Вы взяли, что война недалеко, зачем Вы нас всех пугаете? (Интервью Владимира Путина радио «Европа-1» и телеканалу TF1, 4 июня 2014 г.)

Тактика смены коммуникативных ролей используется тогда, когда интервьюируемый стремится понять основание негативного прагматического потенциала вопроса журналиста и предотвратить развитие обсуждаемой проблемы в отрицательно-оценочном направлении в ходе дальнейшего разговора: *Р. ЧИЛКОТ: Президент Путин отдал приказ российским войскам вернуться в место постоянной дислокации по завершении так называемых весенних учений у границы с Украи-*

ной. Учитывая, что после прошлых подобных заявлений США и Германия не подтвердили отвод войск, почему кто-то будет верить России? Может быть, это блеф? Д. МЕДВЕДЕВ: Я думаю, что нас вообще не должна волновать реакция западных стран на такого рода заявления. **Какое отношение западные страны имеют к перемещению войск на территории Российской Федерации, если это все находится в пределах существующих правил?** Р. ЧИЛКОТ: Потому что Россия утверждает, что заинтересована в деэскалации конфликта на Украине. (Интервью Дмитрия Медведева телеканалу «Блумберг», 20 мая 2014 г.)

Тактика красноречивого умалчивания означает «редукцию плана содержания и амплификацию плана выражения» [2], когда интервьюируемый при ответе на «неудобный» или не вполне корректный с точки зрения политического этикета вопрос сообщает какую-то информацию, но делает это с оговоркой, уклончиво и смещая акценты: ВОПРОС: Владимир Владимирович, скажите, пожалуйста, ожидали Вы такой жесткой реакции на действия России со стороны западных партнеров? Могли бы Вы рассказать о деталях разговоров с Вашими западными партнерами, потому как только сообщение пресс-службы было? И саммит «восьмерки» будет в Сочи или нет, как Вы думаете? В. ПУТИН: По поводу ожидаемой реакции, будет ли «восьмерка» и по поводу разговоров. Наши разговоры носят конфиденциальный характер, а некоторые проходят даже по закрытым линиям. **Поэтому я не считаю себя вправе обнародовать, что и как мы обсуждали со своими партнерами. Но я сошлюсь на некоторые публичные заявления своих коллег из западных стран и, не упоминая по именам, прокомментирую их в целом.** <...> ВОПРОС: Как Вы считаете, Владимир Владимирович, в последние месяцы, когда ситуация обострялась на Украине, в чем были ошибки Януковича? В. ПУТИН: Вы знаете, я не буду отвечать на этот вопрос – не потому, что я не знаю ответа, а я считаю, было бы некорректным с моей стороны. <...> ВОПРОС: Владимир Владимирович, а если в Крыму пройдет референдум и люди решат отделиться, сами люди, большинством голосов, Вы поддержите это? В. ПУТИН: **Сослагательное наклонение в политике не используется никогда. И я хочу остаться в рамках этих правил.** (Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине, 4 марта 2014 г.)

Прагматическая цель использования интервьюируемым тех или иных конфронтационных тактик обусловлена соответствующим речевым поведением журналиста, что и подтверждается наблюдениями В. Н. Степанова, который считает, что «коммуникативные стратегии и речевые жанры современ-

ной коммуникационной практики существуют в тесном взаимодействии с провокативными стратегиями, которые институциализируются в процессе творческой деятельности социально-культурных институтов» [3, с. 123]. Журналисты часто прибегают к использованию тактики провоцирования, а именно прямого провоцирования через эксплицитное выражение намерения адресанта вызвать у собеседника желаемое психологическое состояние: Р. ЧИЛКОТ: **Хотел бы спросить Вас об интернете, и начну с немного провокационного вопроса. Вы согласны с Президентом Путиным, что интернет – это проект ЦРУ?** (Интервью Дмитрия Медведева телеканалу «Блумберг», 20 мая 2014 г.)

Эксплицитным может быть и критика действий интервьюируемого и руководимой им страны: ВОПРОС: **Господин Путин, мы сейчас с Вами разговариваем, а соседняя страна, Украина, переживает настоящую войну. Это нельзя назвать по-другому. И сейчас прорусские силы хотят нарушить границы Украины. Кто их остановит и чего вы хотите?** (Интервью Владимира Путина радио «Европа-1» и телеканалу TF1, 4 июня 2014 г.)

Манипулятивным и агрессивным прагматическим потенциалом обладают и те вопросы журналиста, которые не оценивают фактическое положение дел, а предвосхищают развитие событий, как бы прогнозируя их возможное состояние в будущем: Р. ЧИЛКОТ: **И какой будет ответ? Если против России введут экономические санкции, как вы ответите на них?** Д. МЕДВЕДЕВ: Мне бы не хотелось сейчас строить гипотезы в отношении того, какой будет наша реакция. <...> Р. ЧИЛКОТ: **В целях поддержки собственной экономики на фоне экономических санкций будете ли вы рассматривать такие меры, как, например, контроль над движением капитала?** Д. МЕДВЕДЕВ: **Вы все время пытаетесь выпытать из меня те решения, которые пока ни на чем не основаны** (Интервью Дмитрия Медведева телеканалу «Блумберг», 20 мая 2014 г.)

Основной тактикой кооперативного типа интеракции является соответствующая стратегия (кооперативная), а тактики логично делятся на принадлежащие интервьюеру и интервьюируемому.

К основным тактикам интервьюера, на наш взгляд, относятся: тактика уточнения, тактика комплиментации, тактика просьбы. Спектр тактик интервьюируемого в кооперативном дискурсе расширяется по сравнению с описанными выше тактиками за счет тактики подтверждения своей позиции, тактики умалчивания, тактики принятия нейтралитета и тактики уклонения от ответа.

Проследим на конкретных примерах реализацию толерантного намерения с помощью выделенных

тактик. Тактика уточнения является речевым приемом, направленным на предотвращение коммуникативных неудач в ходе политического интервью межкультурного уровня: **ВОПРОС: Владимир Владимирович, можно уточнить? Люди, которые осуществляли блокирование частей украинской армии в Крыму, – в форме, очень похожей на российскую военную форму. Это были российские солдаты, это были российские военные?** Тактика уточнения с одинаковым успехом используется как интервьюером, так и интервьюируемым: **В. ПУТИН: «Газпром» не мог так сказать, вы невнимательно слушали или он неточно выразился. «Газпром» не возвращается к старым ценам, он не хочет продлять действующие скидки, о которых была договоренность, вводить или не вводить их, поквартально.** (Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине, 4 марта 2014 г.)

Сфера кооперативного дискурса характеризуется широким использованием тактики комплиментации, которая в равной степени используется как интервьюером, так и интервьюируемым. Мы намеренно ушли от использования в названии этой тактики слова *комплимент* и заменили его на более широкое по объему значения понятие *комплиментация* (в частности, данный термин использует в своем диссертационном исследовании, посвященном комплиментной интеракции, Е. А. Сурова [4]). Поясним причины такого выбора. В известной работе [5] О. С. Иссерс различает тактики комплимента и похвалы, указывая, что для последней основной целью является положительная оценка, а прагматический потенциал комплимента заключается в сообщении о добрых чувствах и благорасположении. Полагаем, что такое разделение эмоционально настраивающих тактик правомерно именно на материале живой разговорной речи, тогда как в политическом интервью межкультурного уровня коммуникативные цели использования анализируемой тактики всегда будут продиктованы объективными целями (а не только установкой на поддержание добрых отношений, как в случае с тактикой комплимента): соответствующим речевым поведением собеседника, поступками, действиями, качествами личности, а интенция заключается в снятии напряженности и устранения причин (последствий) коммуникативного конфликта. Термин *комплиментация* является более уместным и по той причине, что в политическом интервью межкультурного уровня использование этой тактики иногда носит иронический эффект: **В. ПУТИН: Вот как у вас общественность, политические круги оценивают произошедшие события? Но ясно, что это вооруженный захват власти, правда? Очевидный факт. И ясно, что это сделано вопреки Конституции. Это уже очевидный факт, прав-**

да? Ну, правда. РЕПЛИКА: Я живу в России. В. ПУТИН: Ну, молодец. Надо взять Вас на дипломатическую службу. Из Вас получится хороший дипломат. А язык дипломату, как известно, дан для того, чтобы скрывать свои мысли. (Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине, 4 марта 2014 г.)

Тактика подтверждения своей позиции относится к разряду так называемых «мягких» тактик, следовательно, может рассматриваться в рамках кооперативного дискурса: **В. ПУТИН: Это не так, у нас нет запрета на гомосексуальность. У нас есть запрет на пропаганду гомосексуализма среди несовершеннолетних. Это разные вещи, понимаете?** (Интервью Владимира Путина радио «Европа-1» и телеканалу TF1, 4 июня 2014 г.) <...> **Д. МЕДВЕДЕВ: Я еще раз хотел бы сказать: мы бы не хотели, чтобы Visa и MasterCard ушли из нашей страны, у нас в целом весьма продуктивное сотрудничество. Но мне кажется, что эти компании, прежде чем принимать такие решения, должны думать о том, что они подрывают доверие к самим себе, когда таким нелепым образом отвечают на запросы из государственных структур.** (Интервью Дмитрия Медведева телеканалу «Блумберг», 20 мая 2014 г.)

По нашему мнению, в кооперативном типе дискурса толерантное намерение исходит не только и не столько от интервьюируемого, сколько от интервьюера. Толерантное намерение журналиста может выражаться в такой структуре интервью, которая опирается на желание и мнение собеседника. Смена темы в интервью кооперативного дискурса может производиться только с согласия интервьюера, а в целях элиминации конфликтогенного потенциала журналист использует такие формулировки, которые не несут в себе деструктивного начала. В кооперативном дискурсе новые темы в интервью журналисты часто вводят при помощи лексем «можно», «разрешите», «позвольте»: **Позвольте Вас спросить вот о чем: могут ли эти выборы привести к федерализации Украины и в итоге обеспечить безопасность русского меньшинства, что, в свою очередь, будет способствовать снижению напряженности, возвращению наших отношений в прежнее русло и отмене санкций?** (Интервью Дмитрия Медведева телеканалу CNBC, 15 октября 2014 г.) Подобные формулировки мы можем охарактеризовать как случаи реализации тактики просьбы, которая в жанре интервью получает новое воплощение благодаря определенной структуре и ролям, выполняемым участниками интервью.

В кооперативном типе дискурса тактика красноречивого умалчивания получает воплощение в таком коммуникативном феномене, как отложенный ответ, когда интервьюируемый с целью создания комфортной обстановки во время беседы предлага-

ет отсрочить свой ответ на момент «после интервью»: *ВОПРОС: А какие чувства? Вы говорите: «Не сочувствие, а другие чувства». Если об этом можно узнать. В. ПУТИН: Поговорим с Вами потом.* (Владимир Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине, 4 марта 2014 г.)

Таким образом, спектр тактик, репрезентирующих конфронтационную и кооперативную стратегии в дискурсах соответствующих типов, является отражением жанровой интенции политического ин-

тервью межкультурного уровня. К возможным перспективам исследования мы относим рассмотрение номенклатуры тактик конфронтационной и кооперативной стратегий на материале других жанров не только диалогического и монологического характера. Возможно предположить, что арсенал средств, реализующих конфронтационное и кооперативное намерение участников интеракции, будет варьироваться в зависимости от их принадлежности к тому или иному полюсу вектора «Восток-Запад».

Список литературы

1. Курьянович А. В. Инвективные речевые жанры в пространстве современной межличностной коммуникации // Вестн. Томского гос. пед. ун-та (TSPU Bulletin). 2005. Вып. 3. С. 106–112.
2. Кузнецова И. А. Красноречивое умалчивание в массово-информационном дискурсе: дис. ... канд. филол. наук. Волгоград, 2006. 162 с.
3. Степанов В. Н. Провокативный дискурс массовой коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук. СПб, 2004. 380 с.
4. Сулова Е. А. Полоролевая характеристика комплиментной интеракции: дис. ... канд. филол. наук. Ульяновск, 2007. 148 с.
5. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: КомКнига, 2006. 288 с.

Кошкарова Н. Н., кандидат филологических наук, доцент.
Южно-Уральский государственный университет.
Пр. Ленина, 76, Челябинск, Россия, 454080.
E-mail: nkoshka@rambler.ru

Материал поступил в редакцию 16.02.2015.

N. N. Koshkarova

INTERCULTURAL POLITICAL INTERVIEW: REALIZATION OF CONFRONTATIONAL AND COOPERATIVE STRATEGIES

The paper is devoted to the analysis of confrontational and cooperative strategies realized in the framework of intercultural political interview. The author gives the definition of the political communication genre functioning in the area of conflict and congruous types of discourse. Confrontational and cooperative strategies are represented by the tactics belonging to the interviewer and the interviewee accordingly. The genre intention of the intercultural political interview is the basis for differentiating the analyzed tactics. The intercultural political interview represents the political communication genre which peculiarities are viewed as extralinguistic and linguopragmatic factors influencing the co-ordination / non-coordination of speech interaction.

Key words: *intercultural political interview, confrontational strategy, cooperative strategy, conflict discourse, congruous discourse.*

References

1. Kur'yanovich A. V. Invektivnye rechevye zhanry v prostranstve sovremennoy mezlichnostnoy kommunikatsii [Invective speech genres in the space of contemporary interpersonal communication]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta – TSPU Bulletin*, 2005, no. 3 (47), pp. 106–112 (in Russian).
2. Kuznetsova I. A. *Krasnorechivoe umalchivanie v massovo-informatsionnom diskurse*: dis. ... kand. filol. nauk [Eloquent silence in the mass-information discourse. Thesis dis. cand. of philol. sci.]. Volgograd, 2006. 162 p. (in Russian).
3. Stepanov V. N. *Provokativnyy diskurs massovoy kommunikatsii*: dis. ... doktora filol. nauk. [Provocative discourse of mass communication. Thesis doct. of philol. sci.]. St. Petersburg, 2004. 380 p. (in Russian).
4. Surova E. A. *Polorolevaya harakteristika komplimentnoy interaktsii*: dis. ... kand. filol. nauk [Gender and role characteristic of complimentary interaction. Thesis dis. cand. of philol. sci.]. Ulyanovsk, 2007. 148 p. (in Russian).
5. Issers O. S. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communication strategies and tactics of the Russian language]. Moscow, KomKniga Publ., 2006. 288 p. (in Russian).

South-Ural State University.
Pr. Lenina, 76, Chelyabinsk, Russia, 454080.
E-mail: nksohka@rambler.ru